

Ксения ДРАГУНСКАЯ

люди

Марина Дербарендикер, литературовед
Никита У., московский художник
Жена
Кузнецова внучка
Князь
Юра Лифшиц, деревенский дурачок
Ковбоек
Председатель
Рыболовы
Дети
Братья Камазовы
Батюшка
Кондукторша

Колдуньи, коровы, пьяницы, скотницы и
доярки — в неограниченном количестве
В деревне В. Дворики...
А что значит "В"? Верхние, Веселые,
а может — Воюющие? Непонятно. На трассе
указатель — "В. Дворики 0, 8". И стрелочка.

5. Кузнецова внучка-2.

Сюрприз с оказией.

(Никита, братья Камазовы,
Кузнецова внучка)

На дворе у Никиты У. завершена разгрузка сруба. Никита расплачивается с братьями Камазовыми — Иваном и Дмитрием.

— Оставляйтесь, ребята, — говорит он им. — Обмоем. На всю ночь гулянка намечается.

— Не, поедем, домой надо, — говорят братья. — Папаня у нас дурит. Бабенку завел на сорок три года моложе себя, жениться затеял, младшего, Лешку, совсем затерроризировал.

Никита замечает девушку в белом платочке, присевшую у бревен. В руках у нее узелок.

— Это что за цветик-семицветик? — спрашивает Никита у братьев. — Ваша? — Твоя, — объясняют они. — К дому бесплатное приложение. Сервис, во.

Не въезжает что-то Никита.
— Ну, ты дом у кузнеца раскатал? А она — кузнецова внучка. Он же тебе дом с внучкой обещал, в придачу, ты чего, не понял, что ли? Забирай себе.

— Вы что, с дубу рухнули? — вытирает глаза Никита. — Ты что затеяла, дурьнда? — Никита цепко оглядывает ее щуплую пришибленную фигурку. — Тут со своим бабьем не знаешь, как разобратся, и еще вот, подарочек!

— А куда ей деваться? — рассуждают братья Камазовы. — Муж у нее пьянь, придурок, колотит ее почем зря, родители через пьянку погибли, дед вон из ума выжил. А тут все же к райцентру поближе, публика почище, москвичей много. Она работящая, тихая. Ее подкормить, так на ней пахать можно. Ну, если тебе без надобности, давай, мы ее до трассы доведем, дальнобойщиком сгрузим, — предлагают братья. — А что? Сервис.

— Ладно, поворачивайте оглобли, без вас разберемся, — решает Никита, и говорит стоящей молча девушке. — Ну, Мань, ты и выправила... В няньки, что ли, тебя определить? Я тобой потом займусь, сейчас не путайся под ногами. Да ты не глухонемая, часом? Вот напасть...

Никита перестает обращать на нее внимания.

Кузнецова внучка с узелком выходит за ворота и идет в лес, собирает ягоды, купается в речке. Никто не дерется и не бранится, никто не тыкает ее, и угрюмое, забитое выражение покидает ее светлорубое лицо, оказывается, что она совсем юная и миловидная.

Кузнецова внучка живет в лесу на подножном корму, на ночь прячась в заброшенный после распада колхоза хлев.

6. Трудно быть лягушкой в засушливое лето.

(Марина, Юра Лифшиц, колдунья тетька Катя Шаурина)

Ночная жара мешает уснуть, остается только веселиться, ничего не попишешь.

Ощущение
бороды

Фрагменты пьесы

Вечером деревня В. Дворики веселится и гуляет по поводу привезенного московским художником дома.

Пахнет гарью. Река не дает ни малейшего облегчения. Далеко на болотах, тоску и маясь от жары, протяжно вздыхает чудовище. Горят леса.

Все пьют и гуляют.

Работает радио.

— В эфире программа "Полуночник", и сейчас время нашей традиционной рубрики "Учитель танцев". Мы продолжаем разучивать танец "вару-вару". Сегодня мы проработаем движение номер шестнадцатый, основой которого является кружение на подскоках вправо и влево. Напоминаем вам, дорогие полуночники, что творческий поиск оригинальных движений и фигур должен непременно идти в русле общего характера данного танца. Итак. На счет "и" — легко подскокните на правой ноге, поворачиваясь вправо на 180 градусов. На счет "раз" — поставьте левую ногу на каблук влево по диагонали, корпус слегка повернуть влево. На счет "два" легко подскокните на левой ноге, поворачиваясь влево на 180 градусов. Опуская руки, слегка хлопнуть себя по бедрам и коленям.

Внимание, музыка, начали! И...

Те, кто еще не совсем пьян, принимают за разучивание танца. Это переходит в безудержное веселье с плясками.

Никита У. вальсирует с супругой.

Марина Дербарендикер печалится, положив голову на деревянный стол под сосной.

Юра Лифшиц подошел к ней и взял за руку.

Марина посмотрела на него.

— Я сразу понял, — улыбаясь, сказал Юра. — Вы — единственный человек, который по-настоящему интересуется жизнью рыб. Пойдемте со мной.

Марина и Лифшиц долго идут берегом реки и останавливаются на шатких мостках возле камышовых зарослей.

— Тут есть один карась, — пообещал Юра. — Сейчас он будет звать нас человеческим голосом.

Марина и Юра долго стоят на мостках, наклонившись к воде. Тишина, безмолвие в реке, только слышны пьяные песни в дали.

— Жив ли он, в самом деле? — обеспокоился Юра. — Знаете, как плохо быть рыбой в такое жаркое лето? А лягушкой каково? Все москвичи дежурят добровольцами на пожарах, а меня не берут. Я однажды поехал со всеми, шляпу на пожаре потерял, меня больше не берут. Но ведь надо что-то делать!

— Еще бы! — поддержала Марина.

— Вот я и хочу что-то сделать, куда-то бежать, но вместо этого почему-то сажусь и завожу долгие разговоры о лягушках.

— Это все жара и пьянство, — сказала Марина.

— Я не пью вовсе, — поправил Юра. — Слышите, как пахнет? Горелыми сухими листьями, словно осенью. А ведь всего лишь конец июня. Хотите, пойдем во дворец над рекой?

— А можно?

— Да запросто! Там бывает очень интересно. Еще года два-три назад жив был старик-очевидец, он рассказывал мне, как комиссары брали князя, как он защищался. Погодите, я только возьму фонарь. Я живу здесь, на чердаке у колдуньи тети Кати Шауриной.

Юра идет за фонарем, Марина остается ждать его на скамеечке перед воротами.

Проходит время.

Колдунья тетя Катя Шаурина выходит во двор пописать. Пописавши, замечает Марину.

— Ты, девушка, тут чего?

— Человека жду. За фонарем пошел.

— Юрку, что ли? Иди, девушка, домой. Забылся Юрка.

— ???

— В забытье впал. Лежит, бормочет посвоему. Головушкой он прискорбный. Сам-то из Москвы, студент-физик, лет пять назад с друзьями приехал. То ли в лесу чего увидел, напугался, то ли на танцах побили — умом тронулся, совсем науку позабросил, так и пасется здесь. На зиму-то родня его в Америку забирает на лечение — авось поможет, а уж с апреля месяца — тут как тут. Кому огород вскопают, кому дров наколет, за харчи. Или так — разговоры про мирозданье заводит. Хороший парень, непьющий. Юрка Лифшиц — деревенский дурачок.

Марина решительно встает.

— Дайте мне, пожалуйста, фонарь, — твердо говорит она.

7. Покой вина

(Марина и Князь)

С фонарем в руке Марина бесстрашно карабкается по откосу, туда, где темнеет заброшенный княжеский дворец, и долго бродит по комнатам и залам, заваленными хламом и пустыми рамами от картин.

— Я знал, что сегодня кто-нибудь заглянет...

В углу за письменным столом сидел, нахохлившись и кутаясь во что-то длинное (пальто? шинель?), крепкий дядька лет пятидесяти, с хмурым, скуластым лицом. Левая рука его покоилась на черной перевязи под шинелью.

Марина молча светила фонарем в его угол.

Он не отводил глаз.

— Что? — усмехнулся дядька, не закрывая лица от света. — Храбрая барышня? Зачем пожаловали?

— Интересуюсь памятниками истории и архитектуры.

— Вы, часом, не из рода Буниных? — придирчиво спросил дядька.

— Ну что вы.

— Перед войной жил тут у меня Бунин. Сомнительный господин! Коз завел, а они и рады — все яблони погрызли.

— Писатель Бунин?

— Брат его, акцизный чиновник. Приезжал и писатель, приличнее своего чи-

новного брата, но тоже, скажу вам... Не понимаю я этих новых веяний в русской словесности, не понимаю. И чем кичиться! Мелкопоместные людишки!

— Что вы, — литературовед Дербарендикер решила вступить за Бунина. — Ведь Бунины — старый дворянский род.

— Старый? — насмешливо переспросил дядька и покачал головой. — Так я постарше. Я в бархатных книгах записан. Ежели вы как следует учили историю государства Российского, то должны знать древность моего рода.

— Вы что же, — Марина Дербарендикер привыкает ничему не удивляться в В. Двориках. — Вы — князь?

— Я — князь, — хмуро ответил дядька. — Один я остался. Леля, младшая, служила сестрой милосердия, умерла от черной оспы под Барановичами. Брат Дмитрий погиб в Крыму. А я, стало быть, здесь. Один я. Князь Михайла. Других нет.

— Вам же голову отрубили.

— Это еще не повод покидать родные места, — так же хмуро и даже сварливо ответил дядька и, кивнув на темную бутылку на столе, спросил: — позвольте, барышня, угостить вас мозельским?

Однорукий князь принимается откупоривать бутылку.

— Я помогу вам? — протягивает руку Марина.

— Э, нет, знаю я эти ваши привычки — терзаете пробку, дергаете, а надо едва-едва, мягко, чтобы не нарушить покой вина. Вот и готово.

Князь разлил вино в бокалы.

— А теперь выйдемте в сад. Выпьем, и надо вам возвращаться обратно, успеть до дождя.

Князь и Марина стоят на полуразвалившейся террасе над откосом. Отсюда далеко видно. Скоро рассвет.

— Разве будет дождь? — удивляется Марина. — Похоже, что все сгорит.

— Дождь уже близко. Будет лить несколько дней кряду, размочит дороги... Уже близко... Вот, слышите? Чудовище на болотах тревожится.

— Князь, — серьезно просит Марина. — Скажите мне правду. Что это за чудовище? Кто перекусил пополам председателя сельсовета? Отчего свихнулся студент? Что он увидел в лесу? И что все это значит? Тут есть секрет, и вы, конечно же, только вы знаете этот секрет.

— Если птицам давать подбродившее вино, они потеряют курс, — проговорил князь. — Самые быстрые — синички и стрижи, у них маленькие лапки.

— Скажите мне что-нибудь, князь, — привязалась Марина. — Скажите.

— Буйные страсти в сочетании с ужасным легкомыслием будут порождать в судьбах соотечественников, — улыбнулся Князь и сказал тихо, словно боясь, что подслушают: — Не надо бояться своих болот. Не надо бояться своих сизых валунов. Надо беречь и защищать своих чудовищ. А вы молодцом, храбрая барышня. Другие со мной и говорить не хо-

«Экран и сцена»